

За Сов. искусств., 1981, 17 ноября

ОХОТНИКОВ — ведущий бас ленинградской оперной сцены. И раз услышав, трудно не запомнить редкий по красоте голос певца — настоящий бас-кантанта — певучий бас, богатый обертонами, ровно звучащий во всех регистрах, сильный, мягкий, полетный. С искусством Николая Петровича Охотникова хорошо знакомы не только ленинградцы, но и любители музыки многих городов нашей страны, хорошо знают его и за рубежом — он выступал в Японии, Швеции, Швейцарии, ФРГ, США, Финляндии, Испании, ГДР, Монголии и других странах мира.

Сейчас трудно представить себе, но есть в его приходе на оперную сцену один парадокс: Охотников не собирався быть оперным певцом.

— Николай Петрович, как же это все — так произошло?

— В Ленинградской консерватории я учился в классе Ивана Ивановича Плешакова, заслуженного артиста республики, в прошлом ведущего баса Кировского театра. Плешаков не советовал мне начинать в опере, считал, что моя фактура (а что греха таить, басы обычно имеют более выразительный и могучий внешний вид, чем отпустила мне природа) не очень сценична. Кроме того мне не хватало опыта, не было еще полного певческого раскрепощения. И я стал солистом Ленконцерта.

Добавим, что в 1960 году студент 3-го курса Н. Охотников завоевал звание лауреата I Всесоюзного конкурса вокалистов им. М. Глинки (вторая премия). В 1962 г. на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки был награжден золотой медалью художественного конкурса. В 1966 году завоевал серебряную медаль на III Международном конкурсе им. П. И. Чайковского.

— В 1967 году я получил приглашение от Малого театра оперы и балета. К этому времени я уже почти 6 лет выступал на концертной эстраде, у меня был большой репертуар, появился опыт и кроме того очень хотелось попробовать себя в опере. Я решил.

В Малом театре оперы и балета Н. Охотников сразу стал басом ведущего положения. Он спел партии Собакина, короля Рене, Мельника, Гремина, Старого цыгана, короля Филиппа, Кардинала в «Бенвенуто Челлини», Дона Базилио...

В 1971 году Н. Охотников стал

солистом театра им. С. М. Кирова.

— Как Вы считаете, каким должен быть оперный певец?

— В идеале оперный певец должен обладать хорошими специальными данными, актерским мастерством и прекрасным голосом. Но, как показывает опыт, труднее всего научить петь. Ибо голос — это наш основной инструмент, которым мы должны выражать смысл оперного произведения, малейшие оттенки переживаний своих героев. Красивый певческий звук — не самоцель,

близок и понятен. Я вообще люблю музыку Глинки, по своему вокальному письму Глинка очень «мой» композитор. Мне кажется, что Сусанин я не учил, а сразу стал петь в голос. Все сделалось будто само. Все было в музыке. А сейчас еще и Досифей. Чем больше над ним работаю, тем больше он мне нравится. В музыке Мусоргского столько глубины, что я, наверное, только на подороге к полному осмыслению и выражению этого очень сложного образа. Досифей стал для меня ключом.

Наш собеседник

Николай Охотников

а только средство, он должен быть действенным, образным. Поэтому, в первую очередь, оперному певцу и необходимо в совершенстве владеть своим инструментом — голосом.

— В нашем театре к Вашему оперному репертуару прибавилось довольно много новых партий: Пестель, Пимен, Фрол Баев, Макарий, Кочубей, Досифей... Какие партии Вам наиболее близки? Ваши любимые партии?

— На этот вопрос трудно ответить односложно. В Малом театре любимой партией был король Филипп в «Дон Карлосе», позднее, уже в Кировском, Сусанин. Сейчас это, пожалуй, Досифей. Я по складу своего характера больше лирик, поэтому на первом этапе я спокойно чувствовал себя в ролях более статичных, где было меньше драматического начала (я уже говорил, что долгое время любился оперной сцены). Король Филипп — первая партия, где я почувствовал в себе драматические способности. Противоречивый характер, жестокость и срадание, деспотизм и одиночество — показать все это было интересно. Совсем иначе с Сусаниным. Образ оказался мне сразу очень

чужд и непонятен. Я вообще люблю музыку Глинки, по своему вокальному письму Глинка очень «мой» композитор. Мне кажется, что Сусанин я не учил, а сразу стал петь в голос. Все сделалось будто само. Все было в музыке. А сейчас еще и Досифей. Чем больше над ним работаю, тем больше он мне нравится. В музыке Мусоргского столько глубины, что я, наверное, только на подороге к полному осмыслению и выражению этого очень сложного образа. Досифей стал для меня ключом.

— Каким Вы видите современный оперный спектакль?

— Современный оперный спектакль должен максимально полно раскрывать возможности современного певца-актера и, естественно, соответствовать уровню современного зрителя. В репертуаре театра обязательно должны быть лучшие произведения классики, мы должны воспитывать и себя, и публику на лучших традициях гениев прошлого. И одновременно хотелось бы, чтобы было больше хороших оперных спектаклей на современную тему. Очень хорошо, что есть такой спектакль, как «Петр I». По-моему, это настоящий современный оперный спектакль. То же самое можно сказать о «Мертвых душах» — очень точное прочтение Гоголя. Музыка Шедрина поначалу кажется необычной, непривычной, но она очень образная, и спектакль вышел по-настоящему интересным.

25 сентября в нашем театре

состоялся концерт, посвященный 75-летию со дня рождения Д. Д. Шостаковича. В концерте прозвучала его 13-я симфония.

— Николай Петрович, Вы впервые исполнили это произведение. Расскажите немного об этой Вашей работе.

— Когда я впервые взялся за симфонию, она показалась мне трудной и, стыдно признаться, не очень интересной. Но в процессе работы я смог оценить всю сложность, всю многогранность этой симфонии Шостаковича. Я почувствовал себя одним из основных инструментов оркестра, несущим очень важный компонент — слово. Но именно инструментом, а не солистом. Я очень благодарен Юрию Хатуевичу Темирканову за то, что он доверил мне исполнение этой симфонии. Я ближе узнал Темирканова как дирижера, который властно вводит исполнителя в свой мир, умеет подчинить себя своей задаче на время исполнения произведения. Я буквально почувствовал гипнотическое начало в этом человеке. И работа эта открыла для меня новый комплекс возможностей.

Мы знаем, что Вы уже более пяти лет являетесь доцентом Ленинградской консерватории. Что лично Вам дает преподавание?

— Если коротко, то лишние заботы. А если серьезно — занимаясь со студентами, начинаешь по-другому смотреть на собственное творчество, невольно все время подводишь итог сделанному. Ведь студента надо научить не только петь ноты, но и воспитать человека, артиста, который со сцены несет свое искусство, свои мысли слушателям. И преподавателю приходится все время следить за собой, за своим кругозором, потому что тебе задают самые различные вопросы и ждут ответа. Студенты — это те же дети, но иногда они могут быть интеллектуально выше преподавателя.

— Удастся ли Вам ходить в другие театры, кроме нашего?

— К сожалению, очень редко. Все упирается в отсутствие времени. В студенческие годы я очень часто бывал в БДТ им. Горького, смотрел почти все их спектакли. А сейчас чаще всего бываю в Малом оперном театре, стараюсь не пропускать их премьеры. Стараюсь бывать на концертах симфонической и камерной музыки в залах филармонии и Капеллы. Жаль, что мало бываю в драме — ведь именно у драматических актеров мы должны учиться настоящему ак-

терскому мастерству.

— Ваше отношение к балету?

— Люблю. И по чисто семейным обстоятельствам — из-за жены — интересуюсь им более внимательно, чем простой зритель. В балете мне нравится то, что этот жанр умеет рассказывать о человеке и человеческих страстях языком пластики, жестов. Мне нравится образность, точность балетного языка. Кое-что из этой выразительности жеста, пластики не мешает перенять и нам, оперным. Люблю и классические спектакли, и современные, когда они талантливы.

— Ваше хобби?

— Сейчас больше всего люблю природу, лес, тишину. С удовольствием хожу по грибы, езжу на рыбалку. Сначала это был только отдых, а теперь мне это нужно. На природе будто обновляешься, очищаешься, приобретаешь новые силы, не только физические, но и душевные.

— Ваши любимые писатели, художники?

— Когда начинаешь говорить о литературе — прежде всего вспоминаешь Пушкина. Это было и будет всегда. В молодости увлекался К. Фединим, К. Симоновым, позднее — Достоевский, Диккенс, Лев Толстой. Всегда удивляюсь и восхищаюсь всеобъемлющим знанием Толстым человека и человеческого. Он как бы могучий пророк, знает всех и все. Из художников в молодости очень любил Левитана и пейзажистов вообще. Я сам пробовавший немного рисовать, немного копировал их картины. Но как Толстого в литературе, гигантом в живописи я воспринимаю Репина. Он как Мусоргский в музыке: мощь, глубина мысли и ни одной лишней детали. Вообще, я больше люблю русскую живопись.

— И последний вопрос: каким Вы хотели бы видеть современного оперного зрителя?

— Прежде всего я хочу, чтобы зритель был подготовленный, грамотный, эрудированный. Опера — искусство условное, требующее определенной подготовки для восприятия. Хотелось, чтобы наш современный зритель разбирался в опере много лучше, чем зритель-меломан прошлого века, а надо сказать, тот зритель в опере разбирался. Хотелось, чтобы зритель не принимал наши недостатки и оценивал достоинство. Мы воспитываем зрителя, но надо, чтобы и зритель воспитывал нас.

Беседу вел
М. КЕРШАНОВА